

Предисловие переводчика

Битва на Белой горе 8 ноября 1620 года не стала ни самым крупным, ни самым кровопролитным, ни самым интересным в тактическом отношении сражением Тридцатилетней войны. Однако именно она во многом предопределила весь ход этого общеевропейского вооруженного конфликта. Безоговорочная победа императора Фердинанда II Габсбурга и его католических союзников над богемскими мятежниками не только предопределила на столетия вперед судьбу Чехии, но и в немалой степени способствовала тому, что война, как степной пожар, начала стремительно распространяться по всей Европе.

Не следует, однако, полагать, что сама по себе битва на Белой горе не представляет никакого интереса. История богемской кампании 1618–1620 годов была весьма драматичной, наполненной критическими моментами и неожиданными сюжетными поворотами. На Белой горе разыгралась кульминация этой драмы; исход сражения не был предопределен

изначально, обе стороны допустили немало серьезных ошибок. Итог битвы казался многим в католической Европе чудом, явленным Девой Марией.

Книга Юлиуса Кребса, посвященная этому сражению, была написана почти полтора века назад. Не устарела ли она за это время? При ответе на этот вопрос нужно учесть, что в конце XIX века историческая наука находилась уже на достаточно высоком уровне, что автор работал в нескольких архивах и использовал все возможные источники, что никакой принципиально новой информации о сражении на Белой горе за прошедшее время не появилось. Поэтому работа на сегодняшний день не утратила своей актуальности. По словам крупнейшего современного отечественного специалиста по истории Тридцатилетней войны, профессора А. Ю. Прокопьева, после публикации книги Кребса ход битвы «можно считать исчерпывающе изученным». Нам остается лишь присоединиться к этой оценке.

Представленная работа снабжена большим количеством авторских примечаний, однако некоторые моменты все же требуют пояснения, в связи с чем к ним добавлены специально обозначенные комментарии переводчика. При переводе текст книги был незначительно сокращен, в первую очередь за счет дискуссий автора со своими предшественниками, эти прения представляются утратившими акту-

альность и не представляющими большого интереса для современных читателей. Названия чешских населенных пунктов в книге даны в немецком варианте, который используется при описании событий Тридцатилетней войны по сегодняшний день.

Николай Власов,
март 2021

Часть первая

Общая ситуация

В начале Тридцатилетней войны за словом последовало дело — быстрее, чем это обычно случалось в ходе дипломатических или религиозных конфликтов того времени. Уже спустя два дня после знаменитой Пражской дефенестрации¹, 25 мая 1618 года, в богемской столице состоялись назначения на ключевые военные посты: граф Генрих Маттиас фон Турн² стал

¹ Пражская дефенестрация — начальный эпизод восстания против императорской власти в Богемии; 23 мая 1618 года толпа восставших ворвалась в королевский дворец и выбросила из окна в ров императорских наместников. — *Прим. пер.*

² Родился в 1598 году, в юности много путешествовал, в том числе на Востоке, затем сражался под командованием Рудольфа II против турок, был ранен в 1602 году в стычке у Грана. В ходе усобицы между императором Рудольфом II и его братом Маттиасом в 1611 году Турн оказался на стороне последнего. 16 февраля того же года он, командуя отрядом из 500 всадников, был ранен в бою. Современники называли его «господином с впечатляющей наружностью, либеральным, весьма щедрым, люби-

генерал-лейтенантом, Колонна фон Фельс — фельдмаршалом³. Оба являлись аристократами и не демонстрировали ранее никаких полководческих талантов. Однако они принимали активное участие в дворянской революции 23 мая и теперь, в условиях начавшейся охоты за должностями, были таким способом вознаграждены за свои заслуги. Чтобы не вызывать возмущение у представителей рыцарского сословия, следующими по старшинству были назначены его представители: Иоганн фон Бубна-младший⁴ стал генерал-вахтмейстером, Пауль Востерски фон Каплир — генерал-квартирмейстером. Они тоже не были

телем охоты, который плохо одевался (носил всего одно платье, не снимая) и был очень любим в народе). В 1594 и 1606 годах он сопровождал в Польшу австрийских принцесс Анну и Констанцию, которые одна за другой стали супругами короля Сигизмунда. Умер Турн в возрасте 73 лет, в 1641 году, в Пернау в Лифляндии после долгой и насыщенной жизни. Похоронили его в Ревеле.

³ В данном случае это были не звания (как сегодня), а именно должности с определенным объемом полномочий. Так, фельдмаршал являлся командующим богемской армией, а генерал-лейтенант — заместителем командующего. — *Прим. пер.*

⁴ Бубна родился в конце 1570 года. В молодости он проявил себя в ходе австро-турецких войн в Венгрии, и Рудольф II пожаловал ему чин полковника. Позднее Бубна стал ближайшим советником Турна. Скончался он в 1635 году в изгнании в городе Галле.

прославленными военачальниками и не поднялись в этом деле выше среднего уровня.

В начале XVII века повсюду в Европе, где возникала политическая неурядица, грозившая перерасти в военное столкновение, вскоре появлялась толпа авантюристов разных национальностей, часто носивших звучные имена. В большинстве случаев это были младшие сыновья аристократических семейств. Частью образовательной программы для них считалось не только обычное многолетнее турне по иностранным дворам, но и практическое изучение военного искусства под присмотром какого-нибудь знаменитого полководца. Это позволяло установить связи, которые впоследствии могли пригодиться весьма кстати. Кроме того, для обедневших дворян война могла оказаться способом поправить свои финансовые дела, хотя был риск и проиграть. Когда Венецианская республика оказалась в ссоре с эрцгерцогом Фердинандом Штирийским⁵ из-за Градиски, венецианские власти буквально захлестнул поток предложений о найме со стороны представителей аристократических домов⁶. Та же ситуация повторилась в 1618 году в Богемии. Уже в июне-июле в Прагу со всех

⁵ Будущий император Фердинанд II. — *Прим. пер.*

⁶ Это явственно следует из докладов Христофа фон Доны Христиану Ангальтскому. Последний хотел лично вместе со своим сыном вступить в ряды венецианской армии и отправил Дону в Венецию для улаживания этого вопроса.

сторон стали прибывать как знаменитые, так и совершенно неизвестные личности, чтобы предложить здешней армии свою шпагу.

По всей видимости, в богемских правительственных кругах понимали, что на четырех вышеупомянутых военачальников полагаться не стоит, и постарались завербовать себе на службу более известного полководца. По рекомендации пфальцского двора был приглашен швабский граф Георг Фридрих фон Гогенлоэ, который прибыл в Прагу в начале июля. Члены богемской Директории вели с ним долгие переговоры, в которых принимал участие и только что прибывший в Прагу посланник Пфальца — Иоганн Альбрехт фон Сольмс, близкий родственник Гогенлоэ. В конечном счете переговоры увенчались успехом. Расчетливыми сомнениями и колебаниями Гогенлоэ смог убедить членов Директории в своих воинских талантах. Правительство в свою очередь ответило ему взаимностью, представив богатство и обороноспособность Богемии в намного лучшем виде, чем они были в действительности⁷. Чтобы не допустить распрей между Турном и Гогенлоэ, члены Директории решили немедленно отправить первого из них «с летучим лагерем» на границу, оставив

⁷ Говорят, члены Директории вспоминали Яна Гуса, который враждовал со всеми своими соседями. В дальнейшем они проявили себя его достойными учениками.

второго в Праге в качестве своего рода военного министра для вербовки солдат, обеспечения армии всем необходимым и тому подобных вещей.

В следующем месяце к двум уже имеющимся генерал-лейтенантам добавился еще один генерал. Речь идет о графе Эрнсте фон Мансфельде, известном своим неоднозначным поведением в Юлихской войне⁸ и участием в войне герцога Савойского против Испании в 1616 году.

30 августа Мансфельд поступил на богемскую службу в качестве генерала артиллерии. С собой он привел вспомогательный корпус в составе двух тысяч солдат, наем которых якобы оплачивал курфюрст Пфальца. В действительности они находились на содержа-

⁸ Юлихская война — боевые действия в рамках конфликта между претендентами на наследство умершего в 1609 году Иоганна Вильгельма, герцога Юлих-Клеве-Бергского. Эта территория имела большое стратегическое значение, поэтому ее судьба затрагивала интересы всех держав региона, включая Францию, Нидерланды и Испанию. Исход конфликта был также важен в контексте противостояния католиков и протестантов в Империи. Главными претендентами являлись курфюрст Бранденбурга и герцог Пфальц-Нойбурга. В 1610 году начались военные действия между державами, поддерживавшими претендентов, однако в дальнейшем конфликт был заморожен и окончательно разрешен уже после окончания Тридцатилетней войны. — *Прим. пер.*

нии герцога Карла Эммануила Савойского. Мансфельд знал тайну происхождения этого вспомогательного корпуса, которая была неизвестна богемским правителям и генералам. Благодаря этому он занял своеобразное, можно сказать, выдающееся положение среди прочих военачальников. 21 ноября 1618 года Мансфельду удалось штурмом взять Пильзен — один из двух богемских городов, оставшихся верными императору. Ключевую роль в этом сыграли савойские наемники, и авторитет графа вырос еще больше.

В следующем году Мансфельд попытался наладить взаимодействие с другими богемскими военачальниками для совместных операций против общего врага. Однако, как мы знаем сейчас, полковники Кински и Гогенлоэ под влиянием зависти намеренно медлили, и Мансфельд потерпел поражение, оказавшись на некоторое время в отчаянной ситуации. По всей видимости, именно после этого граф — самый талантливый из богемских полководцев — принял ключевое решение. Он отступил в Пильзен, укрепил этот город, с которым обращался как со своей собственностью, и в дальнейшем действовал исключительно самостоятельно. Он прикрывал правый фланг вторгшейся в Австрию богемской армии, проводил рекогносцировку юго-западных перевалов Богемского леса, однако не отходил далеко от своего Пильзена. Отсюда Мансфельд с холодным спокойствием наблюдал

за разложением богемской армии. Незадолго до конца кампании честолубие заставило его еще раз предложить Фридриху V и его советникам свои услуги. К несчастью для всей Богемии, из-за своего высокомерия и недалекости окружение короля отвергло их. Уязвленный до крайности, переменчивый граф начал переговоры с противником в тот момент, когда решающего сражения можно было ждать в любой момент. Впрочем, рыцарский образ мыслей не был характерен для Мансфельда.

Пражская Директория изначально хотела вести войну исключительно при помощи наемных войск. Уже 16 июня Турн с 3000 пехотинцев и 1100 всадниками выдвинулся из Праги по направлению к границе. Наемники были намного более боеспособными, чем местное ополчение. Именно поэтому глава правительства 25 июня предложил ландтагу довести численность завербованных солдат до 12 000 пехотинцев и 4000 кавалеристов, полностью отказаться от созыва ополчения и собрать вместо него чрезвычайный налог.

Если бы война продлилась недолго, богемские финансы были вполне способны справиться с таким вызовом. Однако, согласно представлениям того времени, сражение в открытом поле считалось чудовищным риском. Никто не думал о том, что постоянные марши (губительные для благосостояния страны), недостаточное питание и суровая зима вызовут

более серьезные потери, чем сражение. Кроме того, благодаря поддержке Протестантской унии⁹, география которой позволяла ей оперативно привлечь на службу новых наемников, Богемия смогла бы быстрее восполнить возможную убыль, чем ее противник, закрытый в юго-восточном углу Империи. Объем налоговых поступлений составлял немногим более 60 000 флоринов, и этого должно было хватить на содержание наемной армии. В действительности в Праге вскоре стала ощущаться сильная нехватка денег, но главной причиной этого была местная бесхозяйственность — Вильгельм фон Руппа однажды в разговоре с пфальцским посланником открыто назвал финансовую ситуацию «безнадежно запутанной». Значительная часть налоговых поступлений шла на выплаты чиновникам. Деньги, направленные на содержание армии, сперва проходили через множество рук, что также не способствовало их приумножению.

Главная проблема заключалась в том, каким способом денежные суммы распределялись среди солдат. Сначала полковники — своеобразные военные импресарио — получали

⁹ Протестантская уния (или просто Уния) — союз протестантских (в первую очередь кальвинистских) немецких княжеств и вольных городов, созданный в 1608 году. На следующий год в качестве противовеса была создана Католическая лига (или просто Лига), неформальным лидером которой являлась Бавария. — *Прим. пер.*

большие авансы. Полностью на их усмотрение оставался вопрос о том, как и кем они будут комплектовать свои полки, как будут одевать, вооружать и кормить солдат. Полковник получал фиксированную сумму за каждого солдата в месяц, причем регулярно проводились проверки численности боевого состава полка. Считалось, что численность солдат между смотрами остается неизменной. Проверки должны были проводиться ежемесячно — по идее, наниматель был напрямую заинтересован в том, чтобы устраивать их как можно чаще. Во вспомогательных богемских, моравских и силезских частях смотры действительно проводились регулярно, но в главной армии их устраивали лишь после зимней кампании, а также изредка после серьезного боя. Причиной этой халатности было то простое обстоятельство, что большинство богемских генералов владели одновременно собственными полками. Чем дольше откладывалась проверка, тем масштабнее оказывалась их личная выгода: деньги, которые предназначались погибшим или заболевшим солдатам, они могли просто положить себе в карман. Гогенлоэ в богемской армии принадлежали один пехотный и один конный полк; его постоянно обвиняли в алчности и полном отсутствии совести. Но у него — как и у Турна, Сольмса, Кински, Фельса, Каплира, позднее обоих князей Ангальтских — были приятели среди членов Директории, которые в порядке

дружеской услуги постоянно отодвигали сроки проверки.

Полковники извлекали выгоду из того обстоятельства, что расчетное жалование солдата было выше реального. Вторая возможность получить прибыль существовала благодаря тому, что они сами устанавливали выплату всем офицерам полка. Однако главным источником дохода были «мертвые души»: благодаря отсутствию проверок в списки включали целые группы солдат, которые уже давно покинули полк. Ведение войны в результате превратилось в весьма прибыльный гешефт. Обманывать государство вовсе не считалось зазорным, более того, это вызывало восхищение в узком кругу посвященных. Красно-речивее всего говорят цифры: силезский полк обходился в 2700 флоринов в месяц, моравский — в 3000, в то время как богемский — в 3500 флоринов.

Прямым следствием расточительности стали огромные задержки с выплатой жалования. На 31 января — через примерно полгода после начала войны — они достигли уже 492 000 флоринов и росли каждый месяц еще на 210 000. 15 августа 1619 года солдаты богемских полков собрались в открытом поле, «дабы посоветаться, как они могут сами помочь себе». Прибывшего к ним Колонну фон Фельса встретили ругательствами, все увещевания Турна оказались напрасными. В конечном счете Гогенлоэ удалось

договориться с солдатами: пехота довольствовалась обещанием выплатить задолженность, кавалеристы избрали комитет, который отправился в Прагу, чтобы проконтролировать выполнение обещаний.

Повсюду в новом богемском олигархическом государстве царили посредственность, узость мысли и убожество. Богемские дворяне смотрели на происходящее с невыразимой самоуверенностью. Они гордились славой предков, по сравнению с которыми сами являлись не более чем мелочью. Во всем движении 1618 года не было ни единой черты, которая напоминала бы национальный подъем эпохи Гуситских войн. Крестьяне видели, как нежно господа в Праге заботятся о своем кошельке, и оставались равнодушными к происходящему. Удивленно, а позднее недовольно смотрели на новых правителей и горожане. Лишь армия могла в этой ситуации дать надежду на успех начатого дела. Однако в ней сверху донизу царили зависть, неприязнь, бездарность и тупость. Воспоминания об этой эпохе более, чем о какой-либо другой, должны заставлять богемских дворян потупить взор и краснеть.

Покинем на некоторое время Богемию, чтобы посмотреть, какие меры после дефенестрации принял император. Маттиас благодаря своему тихому, добродушному нраву и в полном согласии со своим министром Клеслем был склонен скорее к мирным переговорам,

чем к войне. Колебания, промедления, нерешительность всегда являлись его характерными чертами. Эти привычки доселе помогали ему преодолеть все невзгоды, и он мог быть уверен в успехе, превосходя своих противников терпеливой готовностью ждать благоприятного момента. В этой дипломатии не было ничего оригинального, Маттиас лишь копировал своего предшественника¹⁰, с успехом применявшего ее на протяжении всей своей долгой жизни. Каждый раз, когда Маттиас брался за оружие, он делал это лишь для виду. Почему же угроза, которая столь часто оказывалась эффективной в прошлом, не могла сработать и теперь? В Вене начали громко бряцать оружием, стягивали в Австрию полки, вернувшиеся с войны против Венеции. Но все это делалось без особой энергии и вовсе утратило смысл, когда Маттиас в конечном итоге заявил о своей готовности вести переговоры с зачинщиком богемского восстания графом Турном. Если бы такая политика продолжалась, распад австрийской монархии был бы не за горами.

В этот момент наконец король Фердинанд¹¹ вернулся из Венгрии в Вену, и дела

¹⁰ Имеется в виду император Рудольф II, находившийся на престоле с 1576 по 1612 год. — *Прим. пер.*

¹¹ Имеется в виду уже упоминавшийся выше Фердинанд Штирийский, постепенно вступавший в наследство Маттиаса; в 1617 году он принял титул короля Богемии, в 1618 году — Венгрии. — *Прим. пер.*

приняли другой оборот. С помощью своего энергичного дяди Максимилиана и испанского посла Оньяте ему удалось 20 июля арестовать вечного искателя компромиссов — кардинала Клесля — на глазах у беспомощного Маттиаса. Вся власть с этого момента если не формально, то по сути оказалась в руках Фердинанда. Подготовка к войне продолжилась весьма энергично. В начале августа находившиеся в распоряжении императора вооруженные силы составляли 3200 всадников и 9000 пехотинцев, подготовленных по немецкому образцу. К ним добавилось еще около 1400 человек из венгерских и польских вспомогательных отрядов.

Командование этой 14-тысячной армии взял на себя выходец из Лотарингии — Генрих Дюваль граф Дампьер. 14 августа он с частью сил пересек богемскую границу. Дампьер успешно сражался в Венгрии под командованием Георга Басты против Бетлена Габора, а несколько лет назад прекрасно справился с руководством войсками, которые эрцгерцог Фердинанд Штирийский направил на войну с Венецией. Его военного дарования, несомненно, с лихвой хватило бы для того, чтобы справиться с бездарными богемскими командирами. Однако как в Венгрии, так и в войне против Венеции он командовал сравнительно небольшими отрядами и опирался на крепости. Поэтому при императорском дворе хотели заполучить генерала испанско-нидерланд-

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru